

то причмокивать и цокать, как будто внутри их кто-то всхлипывал («Роковые яйца»).

При этом в предложении действие может быть максимально удалено от признака, поставленного в постпозицию, а неопределенное наречие заставляет читателя обратить внимание на неожиданность характеристики:

– *Достоевский умер, – сказала гражданка, но как-то не очень уверенно* («Мастер и Маргарита»).

Скандал, к удивлению Римского, ликвидировался как-то неожиданно быстро («Мастер и Маргарита»).

В другом случае автор как бы побуждает читателя достроить образ персонажа, смоделировать ситуацию:

Буфетчик как-то криво и тоскливо оглянулся, но ничего не сказал («Мастер и Маргарита»).

Интересно отметить, что употребление неопределенных местоимений и наречий часто перерастает в целую систему дополняющих друг друга образов:

Иван почему-то страшнейшим образом сконфузился и с пылающим лицом что-то начал бормотать про какую-то поездку в санаторию в Ялту («Мастер и Маргарита»).

Особенно интересно проследить данное явление при создании портретов персонажей:

По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец («Мастер и Маргарита»).

При этом автор пытается максимально привлечь читателя к дорисовке портрета, заставить увидеть нелогичность и нестандартность изображаемого.

Кроме того, в тексте может возникать и сквозной образ (неясный вначале, но конкретизирующийся по мере дальнейшего повествования):

В могучих руках Дарья Петровна волокла что-то, и это «что-то», упираясь, садилось на зад, и небольшие его ноги, покрытые черным пухом, заплетались по паркету. «Что-то», конечно, оказалось Шариковым, совершенно потерянным, все еще пьяненьким, разломаченным и в одной рубашке («Собачье сердце»).

Таким образом, само лексическое значение неопределенности дает возможность для создания комического эффекта, с одной стороны – выражая расплывчатость авторской оценки, а с другой – становясь как бы знаком общения автора с читателем. Комический эффект возникает в результате увеличения смыслового разрыва и создания неожиданности, намек автора на смешную ситуацию или возможности для читателя домыслить, догадаться о ней, а также из-за нарушения причинно-следственных связей. Часто с помощью данных лексем автор как бы предупреждает читателя о дальнейшем комичном развитии ситуации. В результате этого вторичное прочтение произведений позволяет находить все новые и новые оттенки авторской иронии. Употребление неопределенных местоимений и наречий перерастает в систему взаимодополняющих образов, создающих комический эффект.

Ж.К. ГАПОНОВА

Наименования одежды в мологских ярославских говорах

Рассмотрение лексики говоров по тематическим и лексико-семантическим группам предполагает не только выявление семантики слов, но и установление основных признаков, положенных в основу наименований. В статье рассматриваются лексические единицы тематической группы «Одежда». Предпринята попытка выявить мотивировочные признаки, положенные в основу номинаций, и интерпретировать их как проявление языкового сознания диалектоносителей.

Study of lexicon of dialects on thematic and lexico-semantic groups assumes not only revealing semantics of words, but also determination of the basic attributes put into the basis of names. In the article lexical units of a lexical set "Clothes" are regarded. Attempt to reveal the motivation attributes

put into the basis of nominations is undertaken, and to interpret them as display of language consciousness of dialect owners.

Важную роль в формировании образа человека играет одежда. Народная мудрость гласит: *по платью встречают, по уму провозжают*. Одежда способна охарактеризовать человека по его национальности, социальному положению, указать на такие качества, как наличие вкуса, аккуратность, бережливость и т.д. Основное правило, которое соблюдается при выборе одежды, – соответствие ее времени и обстановке. Одним из главных признаков, положенных в основу наименований одежды в русских говорах, является функциональный, представленный оппозицией «повседневная – праздничная» одежда. Он относится к числу традиционных в сознании русского человека, ср., например, в пословице: *в праздник – белолычка, в будень – чумичка*.

Стремление человека соответствовать установленным нормам отражено и в наблюдениях могологского краеведа XIX века А. Фенютина: «В Борисов день званые гости идут по зову, кто за обедню, а другие к концу обедни, лишь бы поспеть в пору к чаю или к обеду, – *разодетые для праздника в лучшие свои наряды*» [10. С. 3]. Любой праздник оценивался народным сознанием как повод продемонстрировать свою лучшую одежду и тем самым выделиться в коллективе односельчан. Данные представления вызвали появление в говорах значительного числа синонимичных названий нарядной одежды, подчеркивающих отношение человека к ее выбору.

Лексемы *справа* и *снаряда* являются в могологических говорах общими названиями одежды: «*У нее коробья справа*». Некоуз. [13. В. 9. С. 66]. Слово *справа* известно также в псковских, новгородских, тверских, московских и других говорах, ср.: «*Страшевицкие девчонки без справа хороши*». Твер. [8. В. 40. С. 251]. Оно является производным от просторечного глагола *справить* – ‘купить, приобрести’. Лексема *снаряда* (ср.: «*Снаряда у нее все дорогая*». Некоуз.) отмечена не только в ярославских (Молог., Мышк., Пересл., Некр.) говорах, но и в тверских, ивановских и др. [8. В. 39. С. 86; 13. В. 9. С. 51]. Это слово мотивировано глаголом *снарядить* – ‘сшить, купить, приготовить’: «*Сколько ей снарядили наряды*». Некоуз. [13. В. 9. С. 51]. В приве-

денном контексте слово *наряда* означает праздничную одежду. В могологических говорах представлено и производное от него прилагательное *нарядошный*, соответствующее литературному *нарядный*: «*Я видела, Стенка сегодня какой нарядошный*». Некоуз. [13. В. 6. С. 113].

Однокоренное слово *сряда* во многих русских говорах (псков., новг., твер., влад. и др.) [8. В. 40. С. 331], в том числе ярославских, зафиксировано как общее наименование одежды и как название одежды праздничной: «*Сряды-то вон сколько!*» (Некоуз.); «*У Дарьи к свадьбе давно сряда готова*». Ярослав. [13. В. 9. С. 68]. Данная лексема образована от глагола *срядить* – ‘сшить, купить, приобрести’: «*Сколько ей срядили наряды*» (Некоуз.). В ярославских говорах, включая и могологские, оказались широко представлены деривационные образования от данной основы: *срядный* ‘хорошо, красиво одетый; нарядный’ («*Экой баскущий идет, срядный*». Брейт.); *срядно* ‘хорошо, красиво, нарядно’ («*Срядно она одета*». Некоуз.); *срядиха* (Брейт.) [13. В. 9. С. 68]. Последнее обозначает модницу, так же, как сущ. *наряжёнка*: «*Ну, ты и наряжёнка*». Брейт. [13. В. 6. С. 113]. Нельзя не согласиться с Т.К. Ховриной, которая считает, что наименования нарядной одежды раскрывают богатые лексические и синонимические возможности народных говоров [11. С. 119].

А. Фенютин, характеризуя праздничную атмосферу в Мологе XIX века, писал: «Толпа девушек в *подхороших платьях*, чуть ли не с самых полден, вышла погулять» [10. С. 7]. Как видно из контекста, прилагательное *подхороший* употреблялось по отношению к нарядной, красивой одежде. Это слово зафиксировано только в могологических говорах [13. В. 8. С. 39]. Праздничная одежда должна быть нарядной и соответствовать моде. Те люди, которые одевались модно, выделялись в коллективе и, следовательно, получали определенные наименования. Литературному слову *модница* соответствуют диалектные *моделя* («*Агрономша молодая приехала, уж такая моделья!*» Некоуз.) и *модёна*, причем последним называют в русских говорах и мужчину, и женщину, ср.: «*Ещё какая модёна выискалась*» (Данил.); «*Уж такой модёна, как отец-*

то был, исфорсился весь!» Костр. [13. В. 6. С. 50]. Представления могожан о том, в какой одежде следует появляться на людях, отражает, например, причина отказа посещения гостей, записанная А. Фенютиным: «Такая-то не придет, потому что *платье новое не приспело»* [10. С. 2].

Наименование *базлёны* ‘красивые, нарядные девушки’ (Брейт.) свидетельствует о понимании одежды как дополнительного фактора, формирующего образ привлекательного человека. При этом в народных наименованиях проявляется оценка личности. Лексика отражает неодобрительное отношение, с одной стороны, к людям, одетым небрежно, в рваную и неопрятную одежду, с другой стороны, порицание вызывают безвкусно и вычурно одетые люди. Примером могут служить сравнения: *как плёпля ходит* ‘о неряшливо одетом человеке’ («Ходит как плёпля, срам смотреть». Брейт.); *как Илюша банченный нарядиться* ‘о безвкусно или вычурно одетом человеке’ («Нарядился как Илюша банченный». Некоуз.) [13. В. 5. С. 10-13]. В основе последнего сравнения лежит прозвище конкретного человека, запомнившегося жителям названной местности. Н.А. Сахаров в книге «Старина и молодёжь» пишет, что «выражение это родилось в конце XIX века, когда по здешним деревням и селам *побирался* (просил милостыню) убогий человек Илья, одежда которого была украшена (*банчена*) многочисленными яркими лоскутками цветной материи и разноцветными обрезками лент. Всё это разноцветье было нашито на Илюшу деревенскими девушками и очень нравилось ему» [7. С. 90]. В могожских и других ярославских говорах прилагательное *банченный* зафиксировано и в качестве самостоятельного определения излишне нарядного человека, украшающего себя серьгами, бусами, кольцами. Помимо основной семы, в значении актуализирован также оценочный компонент неодобрения [13. В. 1. С. 34].

В составных наименованиях будничной одежды в могожских говорах отмечены прилагательные *позавсёшний*, *походячий*, *стряпальный* (*стряпильный*). Все они имеют прозрачную внутреннюю форму. Лексема *походячий* употребляется, как правило, в сочетании со словом *одежа* (*одежда*) или словом, называющим конкретный ее вид: *кафтан*, *пальто*, *платье*, *рукавицы* и др. Такие выра-

жения практически повсеместно встречаются на территории Ярославской области [13. В. 8. С. 77]. Устойчивое выражение *стряпальный* (*стряпильный*) *фартук* (Брейт., Рост. и др.) обозначает фартук, в котором стряпают, то есть готовят пищу [13. В. 9. С. 80].

Среди наименований повседневной одежды выделяется подгруппа слов, обозначающих одежду, пришедшую в негодность. Доминирующей в значениях этих лексем является сема ‘рваный’: *руно*; *руньё* ‘изорванная одежда, покрытая заплатами’; *труньё* ‘рваная, старая одежда’ («Разве оденешь это *труньё*». Брейт.); *лепестье* ‘рваная одежда; лохмотья, тряпки’ («Убери-ко отсюда все это *лепестье*». Брейт.); *лопотьё* ‘ветхая изношенная одежда’. Названные слова являются собирательными существительными, образованными по продуктивной модели с помощью суффикса *-j-*.

Слово *латонина* ‘старая, изношенная, залатанная одежда’, мотивированное глаголом *латать*, связана с лексемами *латонник*, *латочник*, называющими бедно одетого человека. Как видим, одежда может подчеркивать социальное положение человека: «Среди *приезжих* выглядел он *латонником*». Брейт. [13. В. 5. С. 131].

В могожских и пошехонских говорах XIX века было зафиксировано слово *борошничко* в значении ‘бедный, женский наряд’ [13. В. 2. С. 17], а в значении ‘пожитки’ – во владимирских [2. С. 13]. В русских говорах известны однокоренные наименования: *борошница* ‘женская рубашка со сборчатыми рукавами’ (Пошех.); *борошнё* ‘имущество’ (Волог.); *борошник* ‘род крестьянской одежды’ (Вят.); *борошно* ‘барахло’ (Пошех., Углич.) [8. В. 3. С. 119]. Эти наименования связаны по своему происхождению с древнерусскими *борошень*, *борошен*, обозначавшими мелкое имущество, скарб, мелкие предметы обихода, ср. в памятниках деловой письменности XVII века: «Да у них же стрельцов взято три самопала, да рогъ, да сабля, да япача черна, ... да седлишко, ... да сапоги мужские поношены, да вязня, да въ вязне шапка женская, камка лазорева; и тотъ *борошень* весь отданъ в онбарь» (1613 г.); ср. также (уменьш.) *борошничко*: «И грабежомъ унесли всякой мой житейской *борошничко*» (1686 г.) [9. В. 1. С. 299].

Диалектизм *висо́к* зафиксирован в мOLOGских говорах с разнообразной семантикой: 'лоскут, обрывок материи', 'кочки шерсти или ваты, свалывшиеся в подкладке пальто или костюма', 'одежда, платье'. В последнем значении слова проявляется дополнительный оттенок пренебрежения: «*Взяли молодуху, и никакого виска нету: ни надеть, ни повязать*» (Брейт.). Наименование мотивировано глаголом *висеть*. Производное прилагательное *висо́иный* (Молог., Пошех., Рост., Туттаев.) характеризует человека, одетого в рваную одежду, ср.: «*До чего же он висоиный, прямо глядеть неохота*» (Пошех.), а также номинирует рваную одежду: «*У него вся одежда висоиная*». Пошех. [13. В. 3. С. 21].

Название одежды могло стать основанием для наименования человека. Так, например, на территории Ярославской области широко распространено слово *поло́хало* (и его фонетические варианты *полохоло*, *полохово*) 'широкая, заплетаящаяся между ног одежда': «*Надела полохало: думает, что и хорошо*» (Перв.), которое развило переносное значение 'неприятный, неаккуратный, неряшливо одетый человек': «*Экое полохово*» (Брейт.); «*Каким-то полохалом явилась в магазин*». Перв. [13. В. 8. С. 53].

Общерусскому слову *одежда* в мOLOGских говорах соответствует наименование *обогну́тка*, ср.: «*Обогнутка у меня ноне хорошая*». Яросл. [13. В. 7. С. 15]. Лексемы *обогнушка*, *оболочка* используются во многих русских говорах в качестве общего названия верхней одежды: «*Всю обогнушку-то замарал*» (Брейт.); «*Разденься из оболочки*». Костр. [13. В. 7. С. 15-17]. Лексема *оболочка* и словообразовательные синонимы *обогнутка*, *обогнушка* мотивированы диалектными глаголами *оболокаться* 'одеваться', *обогнуть* 'одеть, окутать кого-либо', *обогнуться* 'одеться в верхнее платье'. Следует отметить, что в мOLOGских говорах зафиксированы также глаголы *обопнуться*, *обыгаться* в значении 'одеться': «*Давайте, бабы, обыгаться*». Некоуз. [13. В. 7. С. 26]. В.И. Даль фиксирует употребление однокоренного существительного *обыгало* в значении 'верхняя одежда от непогоды; теплая одежда, шуба, тулуп' в ярославских и костромских говорах [1. В. 3. С. 936]. Диалектные наименования *оболочка*, *обогнушка* связаны с восприятием одежды как некоего покрывала тела. Л.С. Лаврентье-

ва, рассматривая семиотические функции одежды, отмечает, что подобные наименования иллюстрируют представления о неразрывной связи человека с одеждой. Она «настолько слилась с человеком, что стала как бы его оболочкой» [3. С. 4].

Существенную подгруппу образует лексика, называющая конкретные виды одежды, при этом большинство наименований носит общерусский характер и широко распространено в народных говорах: *шаровары*, *тулуп*, *армяк*, *кафтан*, *картуз*, *рубаха*, *сарфан* и др. Дифференциация этих наименований возможна по половому и временному признакам.

Подгруппа лексем, номинирующих в мOLOGских говорах мужскую одежду, представлена такими наименованиями, как *шубняк*, *поволочень*, *понитник*, *телятник*, *чуйка*, *кошуля*. Рассмотрим некоторые из них.

Слово *поволочень* зафиксировано в мOLOGских говорах в XIX веке: «На плечах серый кафтан по колено, иногда *понитник*, а в сырую погоду *поволочень* (худой серый кафтан, покрытый толстым белым холстом)» [6. С. 76]. Согласно комментариям А. Преображенского, *поволочень* носили только в дождливую погоду. Поэтому в таком значении лексема может быть мотивирована существительным *поволочь* 'пасмурная погода', отмеченным в том же столетии в тверских и псковских говорах [8. В. 27. С. 257]. В русских говорах представлены и другие однокоренные дериваты: *поволочник* 'плащ из холста' (молог., яросл., моск.); *поволочня*, *поволошна* 'женский тулуп, крытый холстом' (твер.); *поволочу́ха* 'шуба, крытая грубым холстом' (твер.); *поволочка* 'холст для покрытия тулу́па, зипуна' (твер.); *поволо́ка* 'покрышка шубы' (новг.) [5. С. 161; 8. В. 27. С. 257-258]. Общей для этих наименований оказывается сема 'изготовленный из холста', этот материал, видимо, мог защитить от промокания в пасмурную погоду. Ареал распространения указанных слов характеризуется взаимодействием мOLOGских, тверских и новгородских говоров.

Слово *понитник* зафиксировано в мOLOGских и других ярославских говорах, ср.: «*Понитник – старинный длинный кафтан, у которого основа нитяная, а уток из шерсти*» (Пошех.). Данная лексема связана с диалектным *пониток* 'домотканное полотно, в кото-

ром одна нитка шерстяная, другая льняная', известным и в мOLOGских говорах, ср.: «*Кафтан из понитку*» (Углич.) [13. В. 8. С. 61]. В русских говорах представлены многочисленные однокоренные образования: *пониточек* 'кафтан'; *пониточник* 'холщовый или из домашнего сукна кафтан'; *понитье* 'поношенная повседневная верхняя одежда' [8. В. 29. С. 264-265].

В большинстве ярославских говоров, включая мOLOGские, известно слово *чуйка*, обозначающее верхнюю мужскую праздничную одежду на меху, с большим меховым воротником, из лучшего сорта сукна, прямого покроя, сзади – разрез: «*Если жених или невеста имели чуйку, то они считались богатыми*». Гавр.-Ям. [13. В. 10. С. 63]. Данный контекст свидетельствует о том, что такой вид одежды имели зажиточные крестьяне. В XIX веке в псковских и саратовских говорах под *чуйкой* подразумевался длинный суконный кафтан [5. С. 259].

Лексема *кошуля* отмечена в говорах Брейтовского района в нескольких значениях: 'полушубок, крытый сукном или крашеной', 'овчинный тулуп', 'рабочая одежда из крашеного холста' [13. В. 5. С. 84]. В.И. Даль выделяет аналогичные значения: 'короткий крытый тулуп' (костр.) и 'овчинная шуба с борами, крытая китайкою, крашеною или сукном' (яросл., волог.) [1. В. 2. С. 298]. Данное наименование известно в большинстве славянских языков и их диалектах: *кошуля* '(нижняя) рубашка' (болг. диал.); *кошула* 'рубашка' (макед.); *кошуља* 'рубашка' (сербохорв.); *košile* 'рубашка' (чеш.); *košul'a* 'рубашка' (словац. диал.); *košulja* 'рубашка' (словен.); *кошуля* 'рубаха' (укр.); *кашуля* 'рубаха' (блр.). Как видим, в большинстве славянских языков слово *кошуля* обозначает рубашку. Этимологи считают это наименование (**košul'a*) заимствованием из народного латинского языка, в котором оно называло плащ с капюшоном, поэтому значения 'овчинный тулуп', 'полушубок', зафиксированные в мOLOGских и других русских говорах, можно считать наиболее архаичными и точнее передающими семантику оригинала [12. В. 11. С. 191-193].

Существительное *крашенина* 'крашеная льняная пряжа', образованное от слова *крашеный*, широко распространено в диалектах [13. В. 5. С. 87]. В мOLOGских говорах зафик-

сировано также прилагательное *крашенинный* – «платок набойчатый холщовый, повойник, сарафан *крашенинный*, шубочка набойчатая, кафтан из серого самодельного сукна, лапти» [6. С. 137].

Среди наименований женской одежды в источниках XIX века упоминаются: *воротушка*, *малахайка*, *кумашница* (*кумачница*), *сиятка*, *безумница*, *крашенинный сарафан*. Описание *воротушки* находим у краеведа А. Фенютина: «На себя надевали белую кисейную *воротушку* с широкими рукавами, с *остебками*, ворот её застегивался наперед запонком» [10. С. 3]. Из приведенного контекста видно, что существительное *остебка* (*остёбка*) номинирует такую деталь одежды, как манжету, обшлаг, и является достаточно распространенным в русских диалектах. Ярославские говоры отражают другие значения этого слова: 'рубец, подшивка' («*Остебка-то уж больно широка*». Пошех.); 'пришиваемый к юбке пояс из той же ткани' («*Юбка уже готова, осталось пришить остёбку*». Рыб.). Кроме того, в ярославских говорах с этим корнем представлен целый ряд словообразовательных дериватов: *остебёнка* 'обшивка ворота тесьмой'; *остебёнок* 'манжета, обшлаг'; *остебенье* 'опушка рукавов и подола тулупа'; *остебочка* 'рубец, подшивка' [13. В. 7. С. 59].

Слово *кумашница* (*кумачница*) обозначает в мOLOGских говорах определенный вид сарафана красного цвета. В данном случае цвет явился определяющим и для функционального предназначения этого вида сарафана: *кумашницу* одевали в праздники. Лексема широко известна в русских говорах, так как сарафан был обязательной частью севернорусского типа женского костюма [4. С. 72].

Наименование *безумница* является в современных говорах устаревшим. В мOLOGских говорах оно обозначало очень легкое, свободное летнее платье, обычно из белой материи, без рукавов: «*В безумнице-то и не жарко было, сено всё гребли*» (Некоуз.), а в пошехонских – 'платье с рукавами, вроде сарафана, которое надевали летом при сушке сена на тело без рубашки' [13. В. 1. С. 48].

Названия одежды в мOLOGских говорах поражают своим многообразием, что свидетельствует о её важности в жизни человека. Самыми распространенными признаками,

положенными, как правило, в основу наименований определенных видов одежды, являются особенности материала (*понитник, телятник, кумашица*), способ покроя (*долгорукавка*), функциональное предназначение (*стягальный фартук*). Встречаются диалектизмы (*борошничко, надоланивать*), которые восходят к древнерусскому периоду развития языка. Обращает на себя внимание ареальное распространение проанализированных слов: взаимодействие мологских, тверских, новгородских, вологодских и пошехонских говоров, обусловленное территориальной близостью.

Библиографический список

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст]. – М., 2003.
2. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря [Текст]. – СПб., 1858.
3. Лаврентьева, Л.С. «По одежке встречают»: семиотические функции одежды [Текст] / Л.С. Лаврентьева // Живая старина. – 1996. – Вып. III. – С. 4-6.
4. Маховая, О.А. Видовые названия сарафанов в архангельских говорах [Текст] / О.А. Маховая // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992. – СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994. – С. 71-75.
5. Опыт областного великорусского словаря [Текст]. – СПб., 1852.
6. Преображенский, А. Волость Покрово-Сицкая Ярославской губернии Моложского уезда [Текст] / А. Преображенский // Этнографический сборник. – СПб., 1853. – С. 61-134.
7. Сахаров, Н.А. Старина и молодёжь [Текст] / Н.А. Сахаров. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2003. – 214 с.
8. Словарь русских народных говоров [Текст]. – М.; Л. (СПб.), 1965-2007. – Вып. 1-40.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст]. – М., 1975-2002. – Вып. 1-26.
10. Фенютин, А.А. Увеселения города Мологи в 1820-1832 гг. [Текст] / А.А. Фенютин // Труды Ярославского Губернского статистического комитета. – Ярославль, 1866. – 153 с.
11. Ховрина, Т.К. Наименования нарядной, праздничной одежды в ярославских говорах [Текст] / Т.К. Ховрина // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: Материалы межвуз. науч. конференции. – Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 1996. – С. 117-119.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1974-2003. – Вып. 1-30.
13. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981-1991.

Е.А. ВОРОБЬЕВА, А.Г. МОСКАЛЕВА

Устойчивые словосочетания со значением состояния в ярославских говорах

Представленный в статье анализ материалов «Ярославского областного словаря» свидетельствует о том, что фразеологизмы со значением состояния достаточно широко употребляются в диалектной речи и что в сфере фразеологии состояние проявляется и выражается не менее интенсивно и разнообразно, чем в сфере лексики. Рассматриваемые фразеологизмы имеют свои отличительные признаки, позволяющие выделить их в самостоятельный семантико-грамматический класс.

The represented analysis of materials of "Yaroslavl regional dictionary" testifies that phraseological units with the meaning of condition are widely used in a dialect speech and that in the sphere of phraseology the condition is shown and expressed as intensively and variously as in the sphere of lexicon. The regarded phraseological units have the distinctive attributes which allow to allocate them into the independent semantical-grammatical class.

Значение состояния способны выражать не только слова, но и единицы более сложного порядка. Анализ фактического материала, зафиксированного в Ярославском областном словаре (далее ЯОС), свидетельствует о том, что в ярославских говорах довольно широко

представлены фразеологизмы как самостоятельные семантико-грамматические единицы со значением состояния. Причем в сфере диалектной фразеологии состояние выражается не менее разнообразно, чем в сфере диалектной лексики.